

Через несколько месяцев исполнится 20 лет со дня великой Победы. Двадцать лет с тех пор, как отгремели бои Отечественной войны. Память народная бережно хранит и будет храниться в веках имена героев величайшей в истории человечества битвы.

С первого дня войны горела земля под ногами захватчиков. Повсюду их окружала ненависть народная. Никогда еще человечество не было свидетелем такого массового героизма и невиданной стойкости, какие проявляли советские люди на фронтах и в тылу врага.

Одним из активных бойцов грозной армии народных мстителей был славный сын армянского народа, воспитанник Ленинского комсомола Генрих Александрович Захарян. Оказавшись в тылу врага, он вместе со своими боевыми друзьями Ильей Гуриевым, Лизой Евдокименко, Григорием Бойко и Павлом Ралдугиным создает антифашистскую подпольную группу «Непокоренные» в гор. Могилеве Белорусской ССР. Своими подвигами Генрих восхищал друзей по борьбе, вызывал страх и растерянность у врагов.

Группе «Непокоренные», Генриху Захаряну

посвящено немало страниц. О них рассказывается в вышедшей недавно в свет книге Маршала Советского Союза А. И. Еременко «В начале войны», в его статьях, опубликованных в газете «Красная звезда», в книжке В. Ляшенко «Карающий город», выпущенной издательством «Молодая гвардия», в «Повести о настоящей любви» И. Демченко, изданной в гор. Барнауле. Готовится к изданию книга журналиста Р. Пашиняна, повествующая о нашем славном земляке Генрихе Захаряне.

Публикуемый ниже очерк преследует цель дать читателям «Коммуниста» более или менее систематизированный материал о жизни и боевых делах Генриха Александровича Захаряна. Авторы не могут не повторить содержащиеся в упомянутых публикациях отдельные события и факты. Но это сделано с привлечением новых материалов и документов. Кроме того, в очерке также рассказывается о детстве и ученических годах Генриха Захаряна, о романтике комсомольских будней, закаливших характер будущего героя, морально подготовивших его к подвигам во славу Родины.

Непокоренные

пионерский работник Н. Калашян рассказывает:

— Хорошо помню, ни одно общественное дело не обходилось без участия Генриха. Строили стрелковый тир, сооружали парашютную вышку, разбивали спортплощадку в городском саду, собирали металлолом — всегда Генриха можно было видеть за работой, во главе ватаги мальчишек.

Хорошими людьми стали дети Захарянов. Все получили образование, профессию, нашли свое место в общем строю. Старший сын Гайк — кандидат наук, работает в Ереванском сельскохозяйственном институте, дочери Рипсима и Седа — учительницы, младшая дочь Асмик — химик. У всех свои семьи. А Рипсима уже сама бабушка.

В праздники, в памятные дни в дом № 111 по улице Спандаряна съезжается большая семья Захарянов. Не нарадуются старики, глядя на внуков и правнуков. И о чем бы ни шел разговор, обязательно вспомнят Генриха, его детство, юность, его многотрудную солдатскую дорогу.

Романтика будней

Первым с вышки прыгал инструктор. Ребята с замирающим сердцем следили, как он надел на себя ремни, открыл дверцу верхней площадки и скомандовал: «Отпустить трос!» Прыжок... И вдруг стропы парашюта запутались. Инструктор повис в воздухе.

Заминку быстро устранили. Инструктор плавно опустился на землю, растегнул ремни.

— Ну, кто следующий?

Ребята нерешительно поглядывали друг на друга.

— Разрешите мне, — шагнул вперед Генрих Захарян. За ним прыгнули и другие.

еще одно. При городской организации Осоавиахима открылась школа планеризма. Одним из первых в нее записался Генрих.

Юность каждого из нас отмечена многими увлечениями. Каждый мечтал о своем. И мечты сбывались, если человек шел к цели упорно, настойчиво. Таким был Генрих. Еще пионером, затем комсомольцем, он видел себя в военной форме. То в бешеном галопе мчался на тачанке, то круто разворачивая танк, давил огневые точки противника, то стрелой взмывал в небо на сереброкрылом истребителе — все это было навеяно романтикой гражданской войны, волнующими кадрами фильма «Чапаев», событиями на Халхин-голе и у озера Хасан, задушевными беседами мужа старшей сестры, секретаря райкома партии Хачика Левоняна, к которому Генрих относился с безграничным уважением.

Мать Генриха Анянда Нерсесовна вспоминает:

— Подставит, бывало, Генрих садовую лестницу к груше, отыщет на самой верхушке крупный плод, воткнет в него спичку и начинает целиться в спичечную головку из малокалиберной винтовки. Один раз промахнется, второй, а в третий раз — попадет. Упрямый был. Спрашиваю: «Зачем ты это делаешь?» Отвечает: «Мама джан, пригодится».

...В кабинет военкома смело шагнули два парня.

— Разрешите обратиться. Военком улыбнулся, глядя на стройную выправку вошедших.

— Слушаю вас, ребята.

— Я Генрих Захарян, а это мой товарищ Грачик Диланян. Пошли нас в армию.

— А сколько вам лет?

— Уже по восемнадцать. Мы в девятом классе.

— Вот что, ребята, кончайте десятилетку, тогда приходите.

Друзья продолжали учебу. Нет, они не были первыми в классе. Хотя могли учиться лучше. Много времени, особенно у Генриха, уходило на общественную работу. Он руководил ячейкой Осоавиахима в школе, был старостой группы в городском стрелковом клубе, вечерами просиживал над схемой самодельного радиоприемника, увлекался боксом, шахматами. За что бы они ни брался, все доводил до конца,

Закончен девятый класс. Ребята снова пришли в военкомат.

— Нельзя ли поехать в военную школу?

И вот город Вольск. Захарян и Диланян сдают вступительные экзамены в авиатехническое училище. Идет экзамен по физике. У доски Генрих. Объясняет закон Ома. Не клеится у него с русским языком.

— А можно, я по-армянски? Преподаватель на секунду задумался, потом улыбнулся:

— Ну что ж, давайте по-армянски.

По тому, как Генрих бойко, без запинки отвечал на вопрос, пересыпал речь терминами из учебника, экзаменатор понял: Захарян знает предмет. Но не повезло ему на экзамене по русскому языку — получил «двойку».

Обидно было, что мечта о военном училище не сбылась. Вернувшись в Кировакан, с завидной усидчивостью взялся за русский язык. «Четверка» по русскому языку в аттестате была вполне заслуженной. Заодно поднажал и на немецкий. Он будто чувствовал, что знание этого языка сослужит ему в будущем хорошую службу.

Еще с большим азартом Генрих продолжал заниматься в оборонных кружках. За активное участие в оборонно-массовой работе был награжден ценными подарками — малокалиберной винтовкой и патефоном.

Часто Генриха можно было видеть в будке механика кинотеатра «Ереван». Вначале приходил просто так — посмотреть. Потом увлекся, изучил аппарат, самостоятельно стал демонстрировать фильмы.

В июле 1940 года Генрих писал в районной газете «Социалистакан аршав»:

«Родился я и вырос, согретый солнечными лучами Советской страны. Желанная моя мечта — стать воином Красной Армии, защищать границы Советского государства».

Скоро моя мечта сбудется! Приближается призыв. С нетерпением жду этого дня. Слов не нахожу, чтобы выразить мою бесконечную радость.

Какими успехами встречаю я призыв в армию? Я давно сдал нормы на значки «Ворошиловский стрелок», «Готов к ПВХО», «Го-

Январь 1941 года. Генрих Захарян — курсант учебного батальона танковой части.

тов к труду и обороне» I и II степени. Овладел пулеметом, изучил парашютное дело, стал гранатометчиком. Я иду в армию физически и политически подготовленным. Честно буду выполнять долг советского гражданина. В армии обучусь всему, чтобы оправдать звание воина, стать передовым бойцом.

И когда Родина потребует, я вместе со своими боевыми товарищами вступлю в бой против врага. Мы не уроним славы советской молодежи.

До последней капли крови, не щадя своей жизни, буду я защищать свою любимую Родину».

...Была та замечательная пора осени, когда воздух напоен ароматом созревших плодов, когда солнце посылает на землю ласковое тепло. В воскресный день друзья по школе собрались в Ванадзорском устье. Перед уходом в армию они пришли попрощаться с родными горами. Воздух казался окрашенным в мягкий сероватый цвет. Легкой дымкой подернуты вершины гор, уже заметен золотистый налет на деревьях.

Генрих сидел, прислонившись к дереву, и вслух размышлял о предстоящей дороге.

— Хорошо бы всем нам попасть в одну часть. Ну, а если не посчастливится, давайте договоримся: писать друг другу почаще.

Юность уходила в прошлое. Наступала пора зрелости, мужания,

С. ЖЕЛТОВ,
И. ТОМЧИН.

(Продолжение следует).

Дорогой отцов

до стоял, готовый к схватке.

— Мне надоесть возиться с тобой! Говори, шерт подери! — зарорал гестаповец.

Генрих продолжал молча смотреть на следователя. Внезапно Лейнер размахнулся и с силой ударил Генриха по лицу.

— *Կեղտոտ շուկ:* Грязная собака! — процедил сквозь зубы Захарян и боксерским приемом стукнул фашиста в подбородок. Лейнер отлетел к стене и грохнулся на пол. Тут же вскочил на ноги и, выхватив из кобуры пистолет, выстрелил Генриху в живот.

Страшная боль пронзила все тело. В глазах поплыли желтые круги. Потребовалось мгновение, чтобы собраться с силами и вцепиться в горло фашисту...

Снежные вершины гор, неумолкающий шум реки, воздух, напоенный ароматом садов, отчий дом на тихой улице, родная школа... Наверное есть на свете места лучше, красивее. Но нет милее родного края. Об этом Генрих часто говорил со своим другом детства Грачиком Диланяном на привале возле пионерского костра у подножия Маймеха, в охотничьей избушке в Шагалянском лесу, у дымящегося котелка с ухой на берегу стремительного Тандзута.

Сверстники часами любовались лесистыми склонами Памбакского хребта, вплотную подступающими к городским кварталам с севера, взбирались на скалистые отроги Базумского хребта, обрывающиеся

у южной окраины города. Всем жаром юношеских сердец они были привязаны к родному Караклису — так назывался тогда маленький провинциальный городок, раскинувшийся вдоль полотна железной дороги у слияния трех горных рек. Им было по четырнадцать лет, когда в 1935 году Караклис получил новое имя — Кировакан.

Есть в Кировакане тихая, зеленая улица. Небольшие домики утопают в садах. В самом конце улицы, выступив вплотную к тротуару, голубеет просторной верандой невysокий дом. За частоколом ограды покачиваются на ветру вершины старых яблонь. Этот дом много лет назад строил отец Генриха.

Генрих рос в дружной, трудолюбивой семье. С детства видел, как отец и мать заботились не только о своем благополучии, об уюте семейного очага, но и щедро делились с людьми. Случись у соседа беда, они первыми спешили на помощь. Стоило им услышать, что где-то прокладывается новая улица, они тут же брались за лопаты. До сих пор в семейном альбоме хранится поблекшая от времени фотография, на которой засняты участники одного из первых в Караклисе коммунистических субботников. Среди работающих на расчищаемой площадке для строительства нового дома — отец Генриха.

Дети брали пример с родителей. Росли такими же трудолюбивыми, щедрыми душой. Одни из сверстников Генриха, старейший

Гестаповец, развалился в кресле, жадно затягиваясь сигаретой. Пальцами правой руки вертел карандаш. Захарян настороженно следил за каждым его движением. Gladko выжидая, холодное лицо подполковника Лейнера нервно подергивалось.

Скомкав недокуренную сигарету, гестаповец резко отодвинул кресло, вышел из-за стола и вплотную подошел к Захаряну. Они стояли друг против друга в молчаливом поединке. Высокий, широкоплечий, с непомерно длинными руками, Лейнер казался, глыбой навис над арестованным. Он сверлил его холодным свинцовым взглядом своих заплявших жиром маленьких глаз.

У гестаповца от злости и нетерпения все клочкотало внутри. Его била сила, что арестованный, измученный допросами и пытками, держал себя уверенно и спокойно. Генрих в упор смотрел на Лейнера. Гестаповец видел в его глазах ненависть и презрение.

Все лицо Генриха было в сияниях, под правым глазом чернел кровоподтек. Старенькая телогрейка лохмотьями свисала с широких плеч. Штанна на левой ноге разорвана до колена. Но даже в таком виде он был страшен для врага. Ростом чуть ниже Лейнера, но крепко сбитый, жилистый, он твер-

К 20-летию разгрома фашистской Германии

В строю

Зима 1941 года в Белоруссии была снежная, но не суровая. Военный городок «Красное урочище», разбросавший казармы в лесопарке на окраине Минска, сверкал белизной. Искрящиеся на солнце сугробы, пушистые, словно сделанные из ваты шапки разлапистых сосен, аккуратные белые домики. Погожим воскресным днем солдаты шумной гурьбой выходили на лыжах в лес. Приятно поскрипывал под ногами снег, легкий иней серебрил шапки-ушанки.

В письме домой Генрих сообщал о солдатских буднях первого месяца службы. Часть — танковая. Приходится много заниматься изучением техники и стрелкового оружия. В учебном батальоне подобались славные ребята. Живем одной семьей. Во всем помогаем друг другу, весело проводим свободное время, хотя его очень мало. Служба проходит хорошо, я доволен.

Они начинали военную службу вместе, в одном военном округе, в одной части. Шесть друзей-однокурсников. А Генрих и Сергей Марутян попали в один учебный батальон. Сейчас С. Марутян работает инженером в Кировограде. Он вспоминает:

— И в армии Генрих оставался таким же хлопотливым, настойчивым. Как пригодился ему навыки, полученные в школе, в освоенных кружках. Командиры это заметили сразу. Спустя месяц после прибытия в часть, Генриха назначили командиром радиоузла штаба и киномехаником. Не прерывал он занятий и в учебном батальоне, овладевал специальностью радиста-механика танка.

Скромный, порой даже застенчивый, Генрих никогда не стремился быть на виду у всех. Но окружающие как-то его выделяли, относились к нему с уважением и доверием. Вскоре комсомольцы части избрали его своим вожаком.

В декабре 1940 года Генрих прислал домой письмо. Просил сходить секретарю райкома партии Х. Левоницу узнать, может ли тот дать

ему рекомендацию для вступления в партию. Х. Левоница, работники райкома М. Степанян и П. Погосян в тот же день отправили в часть письмо. «Генрих Захарян, — писали они, — достоин быть членом нашей славной большевистской партии. Уверены, что он с честью оправдает это высокое доверие».

...Теплая июньская ночь тихо опустилась над солдатскими палатками. Окутала густой темнотой учебный плац лагерного танкодрома. Кругом звенящая тишина. Только изредка дрогнет ветка на дереве от взлета ночной птицы. Горнист давно протрубил отбой, но ребята не спят. Шепотом рассказывают о результатах учебных стрельбищ, делятся трудностями напряженной лагерной жизни.

Короток солдатский сон. Но в эту ночь он был еще короче. Сигнал боевой тревоги внезапно ворвался в палатки, бурей пронесся по лагерю, срывая спящих с кроватей.

— Война!

Не сразу дошел до сознания Генриха смысл этого страшного слова. Не верилось... Может все же это учебная тревога? Но тут над лагерем с неистовым воем пронеслись самолеты. Земля вздрогнула

Семья Захарянов. Снимок сделан в 1932 г. Крайний справа — Генрих. Ему тогда было 11 лет, он учился в 4-м классе. Рядом с ним старшая сестра Рипсиме. На руках у матери Анянды Нерсесовны — младшая дочь Асмик, у отца Александра Карапетовича — дочь Седа. Стоит старший сын Гайк.

Непокоренные

ла от грохота взрывов. Танкодром окутало пламенем и дымом...

Не забыть Сергею Марутяну невероятных трудностей первых дней войны. Горечь отступления, непрерывные налеты фашистских стервятников, гибель боевых друзей. Частям танковой дивизии с тяжелыми боями приходилось прорывать кольцо вражеского окружения, драться за каждый рубеж. Пятьдесят отборных фашистских дивизий вели наступление на белорусскую землю.

Маршал Советского Союза А. И. Еременко писал об обстановке тех дней на Западном фронте: «...Наши войска выходили из окружения в условиях, когда линия фронта отодвинулась далеко на восток. Кругом был траг. Он бло-

кировал дороги, мосты. Естественно, что из тисков противника остаткам наших войск пришлось вырываться мелкими группами. Большинство, преодолев невероятные трудности, перешло линию фронта и соединилось с частями Советской Армии. Многие солдаты и командиры влились в ряды партизан, часть из них работала в подполье».

Генрих Захарян был одним из тех, кто своей собранностью, выдержкой, хладнокровием показывал пример товарищам по оружию, вселяя уверенность и стойкость. 7 июля 1941 года он писал родным:

«Боевые вам приветы, мои родные папа и мама-джан!

Я нахожусь в Могилеве. Приехал сюда получить новый радиопередатчик, а старый по дороге закопал в землю и тщательно замаскировал. Машину пришлось взорвать. Это я сделал потому, что враги нас окружили. Мы решили прорываться на одном из участков и во чтобы то ни стало вырваться из окружения.

Мы попросили в одном селе лошадей и с оружием двинулись вперед. В одном месте нас остановили, но мы отбили атаку и потом соединились с нашей дивизией.

Извините, что пишу коротко. Но, ничего, когда вернусь, тогда расскажу обо всем подробнее. А теперь времени нет. Это письмо я пишу в машине возле Могилева. Привет всем родственникам и знакомым. Ваш сын Генрих».

Жаркие бои на время разлучили земляков. Встретились только в июле в полевом госпитале под Могилевом, куда Сергея Марутяна привезли тяжело раненным. Генрих пришел запыленным, уставшим. Наклонился над другом, крепко поцеловал. Потом расстегнул противотанковую сумку и высыпал на одеяло сахар и сухари.

— Кушай. Тебе надо поправляться.

Стал рассказывать о ходе боев, мужестве и храбрости однополчан. Успокоил Сергея:

— Скоро прилетят наши самолеты, вывезут вас в тыл. А к нам на помощь идет Пролетарская дивизия. Мы выдержим!

Уходя, сунул под подушку пачку писем.

— Возможно из эвакогоспиталя попадешь в Кировоград. Передай нашим. Ну, пока! Встретимся дома.

Не знали друзья, что это была их последняя встреча.

На берегу Днепра

Батарея занимала огневую рубку на участке между деревней Салтановка и усадьбой совхоза «Буйнич». Нещадно палило солнце. Такого жаркого лета давно не бывало в этих краях. Земля потрескалась, высохшие травы покрылись густым налетом пыли. Солдат мучила жажда, пот застилал глаза. Седой Днепр, казалось, стал мельче и устало нес свои воды к Черному морю.

Над линией обороны 388 стрелкового полка нависли самолеты с черными крестами. Вдали из-за пригорка показались головные танки врага. К Захаряну быстрыми шагами подошел комиссар противотанкового батальона Илья Гурьев.

— Поздравляю вас, товарищ младший лейтенант, с приемом в партию! Сейчас звонил командир полка Кутепов. Предупредил: любой ценой надо остановить немецкие танки, не дать им зайти в тыл нашей обороны.

— Поцал вас, товарищ комиссар.

Гурьев положил руку на плечо Захаряна, тихо проговорил:

— Генрих, ты теперь командуешь батареей. Смотри, не подведи. В своих воспоминаниях И. Гурьев пишет: «...Батарея тов. Захаряна занимала огневую позицию недалеко от памятников, где 129 лет назад наши предки отбивали яростные атаки полчищ Наполеона. Мы молча смотрели на памятники, как на священные реликвии и символы непобедимости наших предков. Я сказал Захаряну: «Да, им тогда было нелегко, но они стояли насмерть и победили. И мы победим, обязательно победим!»

Не отрывая взгляда от памятников, Захарян тихо сказал:

— Клянусь, товарищ комиссар, клянусь их памятью, буду стоять насмерть! Как настоящий коммунист...».

...Немецкие танки в четвертый раз ринулись в атаку на батарею Захаряна.

— Огонь по фашистским гадам! — скоандовал Захарян.

Батарея била по врагу прямой наводкой. Под гусеницы вражеских машин летели связки гранат и бутылки с горючей смесью. Артиллеристы падали, истекая кровью. Но и враг нес большие потери. Перед батареей застыло шесть подбитых обгоревших танков.

Генрих услышал по телефону громкий взволнованный голос командира батальона капитана Георгия Надирадзе:

— Молодчина, земляк! Кроши, дави гадов!

В батарее осталось два орудия и семнадцать бойцов. А враг продолжал яростные атаки. Погиб орудийный расчет сержанта Ивана Петренко. Младший лейтенант Захарян, напрягая все силы, один выкатил орудие на открытое место. Прямой наводкой подбил две вражеские машины.

За танками показалась цепь гитлеровских солдат. Генрих поднялся из-за орудия во весь рост и с автоматом в руках скоандовал:

— За Родину! Вперед!

Он успел сделать несколько шагов, на ходу выпустил длинную очередь из автомата и тут же упал, отброшенный взрывной волной разорвавшегося поблизости снаряда.

...Генрих пришел в себя на четвертые сутки. Голову ломала страшная тупая боль. Ныло плечо. С трудом поднял отяжелевшие веки, обвел взглядом комнату. Белый потолок, гладкие стены, два

ряда железных кроватей. «Госпиталь», — подумал он.

Дверь тихо отворилась, к кровати подошла девушка в белом халате. Из под косынки выбивалась прядь светлорусых волос.

На Генриха смотрели серые глаза, излучавшие тепло, ласку.

— Где я? — слабым голосом спросил он.

— В Могилеве. Лежите спокойно. — Сестра осторожно потрогала повязку на голове раненого, поправила сползшее одеяло. И сказала: — Все будет хорошо. Не волнуйтесь.

Прошло десять дней. Генрих уже вставал с кровати, осторожно передвигался на костылях по палате. Даже выдавший виды начальник госпиталя военврач второго ранга Владимир Петрович Кузнецов удивлялся: какой крепкий организм у этого парня. После таких тяжелых ранений немногие выживают.

Генрих ближе познакомился с Лизой. Все в ней нравилось ему — простота, душевность, аккуратность в работе. Привлекали ее открытое лицо, мягкая улыбка. Лиза тоже распознала в Генрихе человека доброго, отзывчивого, сильной воли. Как-то она подошла к нему.

— В соседней палате лежит один тяжело раненый. Он хочет вас видеть.

— А как он узнал, что я здесь?

— Я сказала ему, что он такой же чернявый, как вы, но уже успел поседеть. И такой же беспокойный.

«Неужели Илья Гурьев?» — подумал Генрих. Когда вошел в палату, увидел: не ошибся. Весь в гипсе на кровати лежал младший поллитрук.

Вечером Захаряна перевели в палату к другу.

Всю ночь над городом полыхало зарево. Доносились тяжелые орудийные раскаты. Воздух наполняли треском автоматные очереди. Генрих стоял у окна, жгучая боль сжимала сердце. Советские войска оставляли город.

А рано утром в коридорах госпиталя застучали кованные сапоги гитлеровцев. Это было 27 июля 1941 года.

С. ЖЕЛТОВ,
И. ТОМЧИН.

(Продолжение следует).

(Начало см. в «Коммунисте» от 30 января).

По острию бритвы

Гестаповский офицер, скрипя ношей португеей, стремительно вошел в ординаторскую. Комнату наполнил тонкий запах французских духов. Небрежным движением гестаповец вытащил из нагрудного кармана монокль и бесцеремонно усталился на врача Бурмистрова.

— Повторяю, раненый есть?
— Раненых нет, — отрицательно мотнул головой врач.
— Кто же есть?
— Только больные.
— Подавай список!

В ночь накануне вторжения немцев в Могилев, начальник гарнизонного госпиталя Кузнецов вместе с ближайшими помощниками врачами Паршиным и Пашаниным переработали историю болезни раненых советских командиров, коммунистов и комсомольцев. Они понимали, что идут на большой риск. Догадываются немцы — не сносить головы. Но разве могли патриоты поступить иначе, зная, что эти израильские, истекавшие кровью люди обречены на гибель. И они трое суток, не смыная глаз, с лихорадочной поспешностью трудились над составлением новых документов.

Пробежав глазами список больных, гестаповец хитро прищурился.

— Неужели нет коммунист? Неужели нет офицер?

— Нет, — твердо ответил Бурмистров.

Гитлеровец резко взмахнул рукой.
— Освобождайт помещение! Всех больных переводить подвал! Здесь делаем склад.

После ухода немецкого офицера Кузнецов направился в палату, где лежали Гурьев и Захарян.

(Продолжение. Начало смотри в «Коммунисте» за 30 и 31 января).

— Сейчас вас переведут в изолятор. Отныне вы «тифозные».

На вопросительный взгляд раненых ответил:

— Так надо. Забудьте на время, кем вы были. Оба вы сержанты и беспартийные. Иного выхода нет.

— Спасибо, товарищ военврач!

Весь день Бурмистров и Лиза Евдокименко переносили раненых в подвал. Это было мрачное, сырое помещение, напоминавшее холодный каменный колодезь. Заплесневевшие стены сочидись водой, по полу рыскали голодные крысы. Маленькие зарешеченные окна почти не пропускали света. Тяжело было дышать затхлым воздухом.

В сохранившемся дневнике Гурьева рассказывается о тех днях.

«...С утра Лиза мне сообщила: гитлеровцы хвастаются, что они уже окружили Москву и не позднее 1 сентября займут ее. В городе немчура ведет себя как зверь — насиловать женщин, убивает людей, особенно военнопленных и евреев. Она добавила, что Кузнецов сильно переживает за людей, говорит, что в день гибнет по 5—7 человек раненых, а мы их не можем спасти, нет медикаментов, кончились продукты».

Лиза Евдокименко предложила вывесить на улице объявление: «Люди! На Виленской улице умирают больные. Нужны лекарства и продукты. Помогите». Комендант госпиталя немецкий офицер пришел в восторг от объявления:

— О! Молоко, мясо, яйца — пригодится.

Сомнения Лизы, поймут ли люди, о каких «больных» идет речь, оказались напрасными. Люди поняли, что речь идет о «раненых воинах Красной Армии. Хотя большую часть продуктов забирали немецкие солдаты, кое-что перепало и раненым.

Непокоренные

Лиза сутками не уходила из госпиталя. День и ночь ухаживала за ранеными. Падала от усталости. Генрих, как мог, помогал ей, подбадривал словом, улыбкой. В короткие минуты отдыха рассказывал о далеком Кавказе, о родной Армении. Читал стихи любимого поэта Овчареса Туманяна, напевал из оперы «Ануча»:

С расцветшей весной
Ты схожа, сестра.
Твой яр за тобой
Стоит, как гора.

Генрих и Лиза неслыханно обрадовались, когда с Гурьева сняли гипсовый панцирь и он смог встать на ноги. Часами говорили они о своей судьбе, советовались, что делать. Решили даже в этих невыносимо трудных условиях продолжать борьбу с врагом, метить ему за поруганную землю, за горе и страдания наших людей. Стали думать, на кого можно положиться.

— Вполне можно доверять Григорию Бойно. Ручаюсь, это свой человек, — сказал Захарян.

Гурьев вспомнил молодого лейтенанта из соседней палаты.

— Ну вот, теперь нас четверо.

На следующее утро Генриха забрали в комендатуру. Учинили строгий допрос; откуда редом, кто родители, как оказался в Могилеве?

— У нас есть сведения, что ты был командиром.

Генрих удивленно пожал плечами и достал из кармана потрепан-

ный листок бумаги. В справке говорилось, что сержант Захарян Генрих Александрович за грубое нарушение воинской дисциплины и халатное отношение к службе был направлен в штрафной рабочий батальон.

— Гут. Вудешь работать при штабе монтером, — сказал офицер и приказал выдать Захаряну особый пропуск.

Выйдя из комендатуры, Генрих мысленно поблагодарил того начальника штаба полка, с которым ему довелось познакомиться в одном из госпиталей. Тот дал бланк справки штрафного батальона, сказал: «Пригодится».

Узнав о назначении Генриха монтером штаба резервно-формировочного пункта, друзья поздравили его с удачей. Ведь полученный им пропуск давал право на круглосуточное хождение по городу, посещение многих немецких военных учреждений. Такие пропуска немцы выдавали людям, которых считали «особо благонадежными».

Как-то Генрих принес в госпиталь листовку, подписанную «Комитет содействия Красной Армии». Возбужденно проговорил:

— Вольше я не могу сидеть сложа руки. Буду искать связь с подпольщиками.

Лиза Евдокименко решила — настало время рассказать о своей связи с «Комитетом содействия». Им руководил «товарищ Ничолай» — преподаватель русского языка и литературы школы № 17 Казимир Юлианович Мэттэ. Человек умный, выдержанный, с большим жизненным опытом. Был специаль-

но оставлен обномом партии в тылу врага для руководства подпольщиками.

В этот же день по инициативе Гурьева и Захаряна в госпитале было создано ядро антифашистской подпольной группы. Назвали ее «Непокоренные». В нее вошли: Гурьев Илья — член партии, подполковник, осетин (подпольная кличка «Казбек»); Захарян Генрих — кандидат в члены партии, младший лейтенант, армянин (подпольная кличка «Роман»); Ралдугин Павел — комсомолец, лейтенант, русский; Бойно Григорий — комсомолец, лейтенант, украинец; Евдокименко Лиза — комсомолка, медсестра, белоруска; Васильев Андрей — член партии, старший лейтенант, русский.

Сидели тесным кружком в небольшой подвальной комнате — мастерской госпиталя. Обсудили программу борьбы с гитлеровскими захватчиками, дали клятву верности друг другу, Родине. Руководителем группы единогласно избрали Илью Гурьева.

Короткие, лаконичные записи в дневнике «Казбека» рассказывают, с какой решимостью взялись подпольщики за работу.

«10 сентября. Сегодня написали первую листовку — обращение к населению Могилева об оказании помощи раненым продуктами, медикаментами и перевязочным материалом».

Текст написал я, а плакаты оформил Генрих. Он, оказывается, прекрасный художник. Шесть плакатов передал Лизе, и она организовала их расклейку по городу.

Илья Гурьев.

Лиза Евдокименко.

Это большой радостный день для всех нас...

28 октября. Наш анти сейчас — более 50 человек. От жителей города поступает помощь.

6 ноября. Сегодня одержали еще одну победу. Ночью через мертвецкую, откуда через окно у нас имеется тайный выход на улицу, организовали побег десяти выздоровевших раненых. Первое задание «Комитета содействия Красной Армии» выполнено.

Удалось осуществить маленькую диверсию. Через чердак госпиталя проходит многофазный немецкий телефонный кабель. Генрих обломками иглол сделал короткие замыкания. Немцы второй день ищут повреждения и не находят.

7 ноября. Подготовили из старенького красного материала флаг и ночью подняли над зданием госпиталя.

8 ноября. Написали листовку: «Трудящиеся Могилева! Не верьте фашистской брехне, Москвы им не

видать. Под Москвой гитлеровцы найдут себе могилу. Поздравляем вас с праздником Великого Октября!».

27 ноября. Генрих сообщил, что достал разбитый радиоприемник, восстановил его и регулярно принимает сводки Совинформбюро. Передает их нам. Героизм наших войск и поражение врага под Москвой поднимает дух раненых, их уверенность в скором освобождении. Я еще раз предупредил Генриха об осторожности».

...С болью узнали Генрих и его друзья о большой потере. Гитлеровские палачи повесили на городской площади врачей Кузнецова, Паршина и Пашанина. Погибли замечательные советские патриоты. Подпольщики поняли: на каждом шагу их поджидает опасность. Они ходят по острию бритвы.

С. ЖЕЛТОВ,
И. ТОМЧИН.

(Продолжение следует)

Пламя мести

Стояла тихая лунная ночь. Генрих осторожно подполз к железнодорожным путям. Вдоль эшелона прохаживались немецкие охранники, пожевывая от предутренней прохлады. Оглядев зорким взглядом вагоны, Генрих повернул назад. В полуразрушенном здании депо его поджидали Илья Гурьев и рабочий станции Василий Кусков.

— Эшелон с хлебом охраняется. Незаметно не подойти.

— Надо подождать, — посоветовал Кусков. — Скоро часовые продрогнут, пойдут греться.

Минут через сорок охранники, поджав воротники шинелей, быстро направились к станционному зданию.

— Пора, — шепнул Гурьев.

Каждый взял по длинной палке, обмотанной тряпками, окунул в банку с керосином, еще с вечера припасенного Генрихом. Пригибаясь, бросились к запасным путям. Остатки на секунду у крайнего вагона, осмотрелись. Кругом тишина, ни живой души. Гурьев поджег факелы. Тут же со стороны станции полоснула автоматная очередь, по вагонам зашарил луч прожектора. Но подпольщики успели сделать свое дело. Сидя в развалинах далеко от станции, они видели, как эшелон пылал. Горел хлеб, награбленный фашистами на белорусской земле.

Таких операций — смелых, дерзких — на счету у «Непокоренных» много. Пламя мести с каждым днем разгоралось все сильнее. И какое бы дело ни задумали подпольщики, Захарян был главным действующим лицом. Белорусская газета «Знамя юности» писала:

(Продолжение. Начало смотри в «Коммунисте» за 30, 31 января и 3 февраля).

«Захарян блестяще усвоил и умело использовал правило подпольщиков: чтобы победить врага — войди к нему в доверие. Это помогло ему проникать на важные участки, охраняемые гитлеровцами, и успешно выполнять чрезвычайно опасные задания. Порой казалось, что их невозможно выполнить, но он всегда выходил победителем».

Работая в штабе монтером, Генрих завел обширные знакомства среди немецких солдат и офицеров. Зная немецкий язык, он прислушивался к разговорам и все передавал Гурьеву. Дальше сведения через Лизу поступали в домик на Большой Гражданской улице, где жили учительница Ольга Николаевна Карпинская и ее дочь комсомолка Тania. Здесь была главная

Пламенное слово подпольщиков воодушевляло людей, поднимало на борьбу. На снимке: листовки, изготовленные Генрихом Захаряном.

конспиративная квартира подпольной парторганизации города.

Группа «Непокоренных» разрасталась. К весне 1942 года в нее входило до 150 человек. Гурьев, Захарян, Бойко жили на частных квартирах. Другие не имели возможности свободно передвигаться по городу.

— Нужно достать образцы пропусков, — поручили Генриху. Задание было выполнено. Заха-

рян передал Гурьеву 12 чистых бланков. Однако немцы обнаружили пропажу. Генрих заметил, что они стали внимательно следить за каждым, кто работал в штабе. Нужно было отвести от себя подозрение. И он задумал дерзкую операцию.

Ночью загорелось здание штаба. Это Генрих устроил замыкание электропроводки. Горела мебель, огонь подбирался к шкафам с бумагами. Многие из них уже горели, в том числе и секретные документы. Началась паника. Первым ринулся тушить пожар монтер Захарян. Никто даже не задумался, как он ночью оказался в штабе. Измазанный сажей, в обгоревшей одежде, он вытаскивал имущество, покрикивал на охранников. Пожар был потушен. Немцы отметили усердие монтера. Лично начальник штаба объявил ему благодарность. Генерал приказал выдать Захаряну бесплатный талон в столовую.

Радиоприемник был надежно замаскирован на квартире у Лизы. Генрих жил по соседству. Он часто слушал голос родной Москвы. Потом сводки Совинформбюро, правда о положении на фронтах находили отражение в листовках, прокламациях, плакатах. Один из членов «Непокоренных» подполковник П. Колесса вспоминает:

— Кроме листовок, в многолюдных местах города расклеивались сатирические плакаты, изготовленные Генрихом Захаряном. Особенно много шума наделал плакат «Сталинградский концерт», посвященный разгрому фашистских войск на Волге.

Долго говорили в городе и о том, как подпольщики «насолили» геббельсовским пропагандистам. В цен-

тре Могилева оккупанты вывесили портреты своего фюрера с надписью: «Гитлер — освободитель». Захарян и его товарищи на одних портретах слово «освободитель» заменили словом «душитель», на других — к слову «освободитель» приписали «от хлеба». И получилось остро, хлестко: «Гитлер-душитель», «Гитлер-освободитель от хлеба». Полиция сбилась с ног в поисках крамольников, но ничего из этого не вышло — взамен стертых надписей появлялись новые. Властям пришлось убрать все портреты Гитлера и больше их не вывешивать на улицах.

Пламенное слово подпольщиков воодушевляло людей, поднимало на борьбу. В одно утро на стенах домов появились плакаты. Четко вырисовывались выведенные рукой Генриха слова.

«Товарищи! Комсомольцы и молодежь города Могилева! Знаете ли вы, что гитлеровцы приступили к планомерной отправке молодежи в германское рабство? Не поддавайтесь обману. Фашистская Германия — это коричневая чума и рабство. Берите пример с Павки Корчагина и Зои Космодемьянской. Создавайте антифашистские группы, уходите в партизаны и отомстите немчуре! Вперед заре навстречу, товарищи, к борьбе!»

Диверсия следовала за диверсией. Зимой 1942 года Генрих заморозил трубы, снабжавшие водой ТЭЦ. Это на длительное время сорвало гитлеровцам ремонт танков. Но он не успокоился на этом — поделился с Гурьевым планом взрыва ТЭЦ. План был одобрен. 3 апреля котел теплоэлектроцентрали взлетел на воздух. Кочегара Минченко, помогавшего Захаряну,

схватили гестаповцы и расстреляли. Группа готовилась к новой операции. Ее осуществили Григорий Бойко и Павел Ралдугин. Они заминировали магнитными минами два эшелона с танками и живой силой противника, следовавшие через Могилев. Взрыв произошел недалеко от 17-го разъезда. Шесть дней немцы убирали трупы, расчищали дорогу.

Гитлеровские ищейки бесились от злости. В гестапо состоялось особое совещание. Борьба с подпольщиками была объявлена главной задачей. Тут же решили усилить пропаганду среди населения.

Однажды Лиза сообщила Генриху, что видела на улице машину с громкоговорителями. Машина остановилась на перекрестке. Диктор начал на все лады расхваливать «новый порядок».

— Долго ездить не будет, — ответил Генрих.

Через несколько дней, улучив момент, когда агитационно-пропагандистский фургон немцев остановился возле штаба, Генрих сунул в машину магнитную мину. Взрыв в ключья разнес автомобиль вместе с диктором.

Городской голова Фелиция из кожи вон лез, чтобы угодить своим хозяевам. Заручившись одобрением немецких властей, он объявлял о созыве общегородского митинга солидарности с германской армией. Три дня фашистские прихлебатели готовились к собранию — расклеивали афиши, заготовили пространное обращение к населению, rozdali сотни пригласительных билетов. Гвоздем программы считалось предстоящее выступление генерала-изменника Власова.

К назначенному времени кинотеатр «Чырвоная зорка», переименованный немцами в «Луч», был переполнен. В фойе играла музыка. У буфетных стоек оживленно переговаривались офицеры. По залу с важным видом расхаживали полицейские. На спинках стульев белели листовки с обращением к жителям Могилева тесно сотрудничать с немцами.

— Люди входили в кинотеатр недо-

вольные, нахмуренные. Их силой согнали сюда полицейские. Но как только брали в руки фашистские листовки, лица оживали. В каждой находили другую листовку — подпольщиков. Их заранее незаметно вложили по поручению группы «Непокоренные» буфетчик Адам Ришкевич и его жена. В листовке говорилось:

«...Началось гигантское наступление нашей Красной Армии. Наступил час расплаты и освобождения! Бейте немчуру, чем можете, вступайте в ряды партизан! Помогите скорее добить фашистскую гадину!».

Городской голова поднял руку, призывая публику к тишине. На сцене появилась длинноногая худая фигура генерала в роговых очках. Люди с ненавистью смотрели на подлого предателя Родины. Власов объявил, что прочитает доклад на тему «Что будет с нами?»

По залу прокатился смешок. Едва Власов успел жиденьким голосом прокричать «Хайль!», как с галерки в зал посыпались листовки. Их сбросили Гурьев, Захарян и Елдокименко. На сцене и в первых рядах, где сидели «именитые гости», началось замешательство. Был объявлен перерыв.

— Сейчас мы с вами сыграем еще одну штуку, — шепнул Генрих Григорию Бойко.

Они быстро спустились вниз и, воспользовавшись сутолокой, прицепили на спину дюжему полицейскому лист бумаги с надписью: «Гитлер — напут!». Ничего не подозревавший полчицей продолжал важно шествовать по проходу. Люди покатывались со смеху.

Фелиция приказал своему помощнику немедленно позвонить в гестапо. Прибыл усиленный наряд эсэсовцев с овчарками. Кинотеатр окружили. Начали проверять документы.

Генрих с друзьями были вне подозрения.

С. ЖЕЛТОВ,
И. ТОМЧИН.

(Окончание следует).

Желтокоренные

Схватка

Юдианович.—Этот сделает, смелости ему не занимать.

В тот вечер Гурьев и Захарян долго бродили по улицам города. Над обрывистым берегом Днепра металась, завывала метель. Жалобно поскрипывали застывшие на холоде клены.

— Конечно, «Казбек», задание трудное. Но сделать надо.—Генрих чуть замедлил шаг.

— Справишься?

— Постараюсь.

Никогда еще Генрих так не рисковал, как на этот раз. Многочисленные диверсии подпольщиков, смелые рейды партизан не давали покоя немцам. Гестаповцы зверски расправлялись с каждым, кого подозревали в подрывной деятельности. За поимку подпольщика, партизана была обещана награда—40 тысяч рублей.

Генрих заступил на дежурство. Обшел узел связи, вернулся в караульное помещение. Начальник охраны обер-лейтенант Ланге предложил:

— Сыграем, Захарян?

Расставили шахматы. Генрих играл небрежно. На этот раз ему надо было проиграть, нельзя было злить обер-лейтенанта.

— Мат!—восторженно прокричал Ланге.

У Генриха был расстроенный вид. Можно было подумать, что он искренне переживает проигрыш. Ланге поднялся, покровительственно похлопал его по плечу:

— Не переживай, Захарян. Проверю караул—еще сыграем.

Как только за Ланге захлопну-

лась дверь, Генрих, крадучись, прошел по коридору и отмычкой открыл кабинет начальника штаба. На стене у письменного стола генерала висела большая карта. Стараясь не шуметь, отдернул шторы. Генриху казалось, что он возится мучительно долго. На самом деле прошли секунды, пока он задернул занавески, сложил и спрятал за пазуху карту.

Ланге еще не вернулся с обхода. Генрих растолкал спящего ефрейтора и притворно слабым голосом проговорил:

— Господин ефрейтор, подишите, пожалуйста, пропуск. Что-то плохо себя чувствую. Хочу домой пойти.

Сдерживая волнение, Генрих вышел на улицу. Холодный ветер колючими иголками впился в лицо. Хотелось бежать. Но он шел обычным спокойным шагом...

19 февраля 1943 года Гурьев оставил в дневнике такую запись:

«Поздно вечером ко мне зашел Генрих, бледное лицо, напряженный взгляд меня сразу испугали. Мы оба молчали. Он быстро овладел собой и добродушно улыбнулся: «Ну, «Казбек», наверное, я тебя обрадую». Вытащил из-за пазухи аккуратно сложенную немецкую оперативную карту, которую унес из кабинета начальника штаба. Я его обнял и сейчас же отправил обратно на дежурство в штаб. Принял некоторые меры предосторожности. После ухода Генриха обработал входные лестницы.»

Я долго не спал, все думал о нашем Генрихе, об этом замечательном, бесстрашном, смелом и мужественном человеке. Сколько в нем доброты и любви к людям, к Родине.

Утром я убедился, что карта, которую принес Генрих, действительно большая находка. На ней подробно нанесены все оборонительные сооружения в городе, по Днепру, а также размещение воинских частей и учреждений захватчиков».

Исчезновение совершенно секретной карты вызвало переполох у немцев. Из штаба центрального участка фронта 4-й немецкой армии в Берлин полетела радиogramма. В Могилеве всех подняли на ноги. Расследование лично возглавил начальник абвера-308 штурмбанфюрер войск СС Рихтер, палач, руки которого были обогреты кровью многих патриотов. Рихтер метал гром и молнию. Он считал себя опытным контрразведчиком, а тут, словно, концы в воду. Пропажа карты пока оставалась загадкой, и штурмбанфюрер в бешеной злобе приказал расстрелять весь караул.

Ееда пришла неожиданно. Агенты гестапо выследили Захаряна, когда он распространял листовки на базаре. Ему скрутили руки, с ругательствами втолкнули в полицейскую машину.

Вечером Лиза, вся в слезах, прибежала к Гурьеву.

— Генриха...—И не могла больше вымолвить ни слова.

Гурьев догадался. Налил в стакан воды, подал Лизе. Стал успокаивать:

— Не плачь... Может все еще обойдется. Рассказывай, когда, где?

Лиза, все еще всхлипывая, рассказала:

— Понесла ему на работу зазтрак... А его вытаскивают из машины избитого, окровавленного... Повели в гестапо.

На другой день Лиза снова пришла к Гурьеву. Молча положила на стол часы.

— Что это?

— Генрих передал из тюрьмы. Гурьев вертел в руках старенькие штампованные часы с выби-

тым стеклом. И ничего не мог понять. Только позже обнаружил на внутренней стороне крышки наспех начерпанные слова: «Казбек, Старухи берегись, Уходи. Не бойтесь».

Вот как через несколько лет объяснили этот текст работники Управления КГБ по Могилевской области: «Казбек»—это была кличка Ильи Гавриловича Гурьева, руководителя подпольной группы, в которой состоял Захарян. Слова «Старухи берегись» означали берегитесь соседки, где жил Захарян, «Уходи»—совет уходить в партизаны, «Не бойтесь»—значит не выдам гестаповцам. И он действительно никогда не выдал, стойко перенес все пытки». А журнал «Вопросы истории КПСС» в декабре 1964 года писал о Генрихе Захаряне: «Это он, мужественный коммунист, оказавшись в фашистской тюрьме и проявляя заботу о безопасности своих товарищей на воле, предостерег от провала, послав им часы...»

Лейнер вкрадчиво улыбался. Следователь гестапо решил испытать свой излюбленный метод:

— Удивляюсь вам, Захарян. Вы армянин, живете далеко отсюда, в прекрасной горной стране. Зачем вам помогать русским? С нами, немцами, вы увидите жизнь. Ни в чем не будете нуждаться. Скажите только, кто вас заставил взять карту...

Генрих молчал.

— Не бойтесь. Я сразу прикажу освободить вас. Выдадим вам новый костюм...

— Я советский человек! Меня не купите! Часовые, стоявшие за дверью, услышали выстрел и истерический вопль Лейнера. Стремительно рванули дверь кабинета. На полу корчился следователь, стараясь оторвать от горла цепкие руки арестованного. Солдаты схва-

тили Генриха за ноги и потянули к порогу. Но его пальцы мертвой хваткой впилась в толстую шею эсэсовца. На шум вбежал начальник гестапо Фюрхт. Выхватив парабеллум, растолкал солдат и в упор разрядил обойму в Захаряна. Послали за врачом. Тот наклонился над Лейнером, пощупал пульс:

— Господин следователь мертв...

Получив часы, Гурьев посоветовал Лизе больше не подходить к тюрьме. Передачу Генриху понесла ее мать. Вернулась и горестно вздохнула:

— Не принимают.

Илья и Лиза поняли: случилось непоправимое. Горе сковало девушку. Долго сидела молча. Молчал и Гурьев. Думал про себя: «Генрих, дорогой. Как хотел ты видеть победу, дожидаться счастливых дней. Мечтал о свадьбе с Лизой, хотел увезти ее в свой Кировоград. Враги отняли у тебя жизнь, но бессмертен твой подвиг. Мы отомстим за тебя, Генрих!».

Поклялась и Лиза: дорого заплатят фашисты за смерть ее дру-

Так выглядит внутренняя сторона крышки часов, переданных Генрихом Захаряном Гурьеву из фашистской тюрьмы. Часы в настоящее время хранятся в Могилевском областном краеведческом музее.

га. Девушка сдержала клятву—она героически сражалась в партизанском отряде. Незадолго до освобождения родного города она погибла.

«Погиб Захарян. Арестованы Карпинские.—продолжал размышлять Гурьев.—Гитлеровцы, чуждый скорый конец, собираются угнать оставшихся в госпитале раненых и медперсонал в глубь Германии. Надо уходить в лес. Мэттэ уже передал приказ: ускорить подготовку операции».

В ночь на 13 марта 1943 года, по условленному сигналу «Пора спать» с молниеносной быстротой заработали боевые группы подпольщиков. Их возглавили Гурьев, Бойко, Ралдугин, Бурмистров и Воронков. Без единого выстрела уничтожили охрану госпиталя, перерезали телефонные провода, сделали проходы в проволочном заграждении. Увели всех ходячих раненых и медицинский персонал, забрали оружие, медикаменты, продукты. Возле села Тишовка, в десяти километрах от Могилева, соединились с авангардом 121 партизанского полка, которым командовал Осман Косаев. Храбрый воин, замечательный патриот, он погиб в жарком бою. Полк был назван его именем.

Стоял июль 1944 года. Вслед за партизанами, разгромившими заслон фашистских карателей, в город входили советские войска. В числе их была и часть, где служил друг детства Генриха—Грачик. Механик-водитель танка Диланян вел свою машину на запад. Он еще не знал, что идет по земле, которую полил своей кровью Генрих.

...Занималось раннее утро. Гурьев подошел к зданию госпиталя. Два чувства волновали его сердце: радость победы и горечь утрат. Снял фуражку, постоял молча. Потом проговорил:

— Генрих. Брат мой. Ты всегда будешь с нами.

С. ЖЕЛТОВ,
И. ТОМЧИН.

(Окончание. Начало в «Коммунисте» за 30, 31 января, 3 и 4 февраля).